

НОВИНКИ ПУШКИНСКАГО ТЕКСТА ПО РУКОПИСЯМЪ ПУШКИНСКАГО ДОМА.

1. ЭПИГРАММА НА БАРОНА А. А. ДЕЛЬВИГА.

Се самый Дельвигъ тотъ что намъ всегда твердилъ,
Что коль [судьбой] [во власть] ему даны бѣ Неронъ и Титъ,
То не (въ) Нерона [ножъ] мечъ, но въ Тита сей вонзилъ —
Неронъ же безъ него правдиву смерть узритъ.

Приведенныя строки, писанныя почеркомъ Пушкина ранней, «лицейской» поры, начертаны подъ очень недурно исполненнымъ акварелью и сепией небольшимъ, еще не издававшимся портретомъ барона Дельвига, совѣмъ еще юноши. Рукопись идетъ изъ богатаго собранія автографовъ извѣстнаго коллекціонера А. А. Корсуна, въ составѣ котораго она и перешла въ Пушкинскій Домъ¹⁾; заключена она въ конвертъ съ надписью на немъ рукою бывшаго владѣльца: «Автографъ и рисунокъ Александра Сергѣевича Пушкина. Отъ Ник. и Куз. Ивановичей Кузминыхъ, въ 1858 году, деревня Богдановская-Антиповка²⁾; такимъ образомъ, повидимому, Корсунъ bona fide считалъ, со словъ Кузминыхъ, что и рисунокъ, и рукопись — подлинно Пушкинскіе; рисунокъ, однако, никоимъ образомъ не можетъ

¹⁾ Увѣренно можно сказать, однако, что рукопись наша — лишь факсимильная копія, отъ руки, сдѣланная очень ловко, безъ посредства кальки, съ оригинальной рукописи Пушкина: нѣкоторыя буквы или, вѣрнѣе, ихъ начертанія недостаточно увѣренны (напр., л въ словѣ Дельвигъ и др.) для скорописи; непонятны, какъ бы, срисованы, какія-то точки около буквы л въ словѣ «намъ» и около буквы б въ словѣ «бъ». Бумагу, на которой исполнены рисунокъ и рукопись, мы отнесли бы къ 1850-мъ годамъ.

²⁾ Это — имѣніе А. А. Корсуна. Кто такіе дарители — Кузмины, не знаемъ.

быть, по его техникѣ, признанъ за произведеніе поэта, который былъ хоть и ловкимъ, но не искуснымъ въ техническомъ отношеніи рисовальщикомъ; рукопись же, какъ мы уже сказали выше, можетъ быть признана не за автографъ, а лишь за точное факсимиле съ подлиннаго начертанія Пушкина, нынѣ, впрочемъ, за неимѣніемъ несомнѣннаго автографа, его вполне замѣняющее.

Объ этой рукописи въ печати до настоящаго времени указаній еще не было; не упоминается ни о ней, ни о самой эпиграммѣ и въ монографіяхъ о Дельвигѣ В. П. Гаевского («Современникъ» 1853—1854 г.) и Н. А. Гастфрейнда (Товарищи Пушкина по Императорскому Царскосельскому Лицею, т. II, С.-Пб. 1912); не говоритъ ничего о ней и баронъ А. И. Дельвигъ въ своихъ Воспоминаніяхъ (т. I, М. 1912); нѣтъ о ней ничего и въ специальной Пушкинской литературѣ¹⁾; только Н. В. Гербель, въ изданіи своемъ «Стихотворенія Пушкина, не вошедшія въ послѣднее собраніе его сочиненій» (изд. 2-е, Берлинъ. 1870), перечисляя 16 стихотвореній, которыя, по его мнѣнію, «быть можетъ и принадлежать Пушкину», но которыя «трудно признать за Пушкинскія, безъ ясныхъ на то доказательствъ» (стр. XII), относитъ къ ихъ числу, 11-мъ №, піесу «Се самый Дельвигъ тотъ, что намъ всегда твердилъ...»; между тѣмъ, тотъ же Гербель въ статьѣ своей «Для будущаго полнаго собранія сочиненій А. С. Пушкина» («Русск. Арх.» 1876 г., кн. III, стр. 206) называетъ эту піесу уже въ числѣ эпиграммъ, относительно которыхъ «вполнѣ доказано», что онѣ не принадлежатъ Пушкину, хотя общественное мнѣніе до сихъ поръ упорно приписываетъ ихъ ему». Намъ неизвѣстно, кто и гдѣ доказалъ, что эпиграмма на Дельвига написана не Пушкинымъ; неизвѣстно это и Н. О. Лернеру, къ которому мы обращались съ вопросомъ о томъ, что знаетъ онъ о данномъ шутовомъ стихотвореніи; поэтому мы склонны признать эпиграмму за Пушкинскую, отнеся ее, по почерку автографа и по портрету Дельвига — уже не-лицейста, но еще совѣмъ молодого человѣка, — къ 1817—1818 годамъ, т. е. ко времени послѣ-лицейской беззаботной жизни Пушкина; самый стиль эпиграммы, по нашему

¹⁾ Напр., въ статьѣ П. А. Ефремова: «Мнимый Пушкинъ въ стихахъ, прозѣ и изображеніяхъ», С.-Пб. 1903 (отг. изъ «Новаго Времени»), въ книгѣ Н. О. Лернера «Труды и дни Пушкина», изд. 2, и др.

миѣнію, близко походить на «арзамасскіе» стихи и весьма напоминаетъ, напримѣръ, слѣдующую извѣстную «Надпись къ портрету», «сочиненную обществомъ молодыхъ любителей Россійской словесности» и направленную на знаменитаго графомана графа Д. И. Хвостова, «Избранныя притчи» котораго были, по выраженію князя П. А. Вяземскаго, «настольною и потѣбною книгою въ Арзамасѣ»:

Се — Росска Флакка зракъ! Се тотъ, кто, какъ и онъ,
 Выспрь быстро, какъ птиць царь, несъ звукъ на Геликонъ;
 Се ликъ одъ, притчъ творца, музъ читателя Хвостова,
 Кой поле испестрилъ Россійска красна слова ¹⁾.

Можетъ быть, эпиграмма Пушкина пародировала какое-нибудь неизвѣстное намъ неудачное стихотвореніе одного изъ Лицейскихъ поэтовъ, — напримѣръ, Кюхельбекера, надъ произведеніями котораго товарищи нерѣдко потѣшались.

2. КЪ ТЕКСТУ «МѢДНАГО ВСАДНИКА».

Въ принадлежавшей акад. Я. К. Гроту Пушкинской тетради, перешедшей къ нему отъ П. А. Плетнева и заключающей въ себѣ, съ одного конца, писанныя Пушкинымъ «Записки П. В. Н. ²⁾», имъ диктованныя. Въ Москвѣ 1830» (стр. 1—18 и 23—26) и рассказъ «Богородицины дочки» (стр. 29—31), мы съ другого конца находимъ (л. I) наброски первоначальной программы «Капитанской Дочки»:

(на пирахъ).

Кулачный бой — Шванвичъ — Перфильевъ —
 Перфильевъ, купецъ —
 [Перфильевъ] Шванвичъ за буйство сосланъ въ деревню —
 встрѣчаетъ Перфильева ³⁾ —

а затѣмъ черновики (л. 2—2 об.) первоначальныхъ, самыхъ раннихъ набросковъ «Мѣднаго Всадника», — его 1-й и 2-й строфы I части; эти черновики близко подходятъ къ двумъ текстамъ начала

¹⁾ «Русск. Арх.» 1866, ст. 473—474.

²⁾ Т.-е. Павла Войновича Нащокина.

³⁾ Ср. въ газ. «Русь» 1885 г., № 22, стр. 3, столб. 2.

поэмы: тому, который находится въ одной изъ рукописей Румянцовскаго Музея, и къ болѣе раннему, чѣмъ въ этой рукописи, но болѣе позднему, чѣмъ въ Гротовской, тексту рукописи изъ бумагъ А. А. Краевскаго, находящейся въ Россійской Публичной Библиотекѣ¹⁾: что Гротовская рукопись самая ранняя, видно, между прочимъ, изъ того, что въ упомянутыхъ двухъ рукописяхъ имя героя поэмы уже опредѣлено: въ первой онъ называется — Рулинъ, во второй — Зоринъ, тогда какъ въ Гротовской имя героя еще не выяснено (см. ниже), а вторая строфа очень ужъ сильно исчеркана, — она еще вовсе не удавалась поэту. Даемъ здѣсь точную транскрипцію этихъ черновыхъ набросковъ (опубликованныхъ не совсѣмъ исправно Я. К. Гротомъ въ газетѣ «Русь» 1885 г., № 22, стр. 3), обозначая прямыми скобками то, что зачеркнуто, и отиѣчая слова, нами неразобранныя:

Надъ Петербургомъ омраченномъ
 Осенній вѣтеръ тучи гналъ
 [Луна] Нева въ теченьи возмущенномъ
 [Неслась шума. Упрямый] Шумѣла глухо [шипя] бурный валъ
 Какъ бы проситель безпокойный
 Плескалъ въ гранитъ ограды стройный
 [Какъ] Ея широкихъ береговъ —
 Среди [вечернихъ] ненастныхъ [дождливый] облаковъ —
 Луны ни звѣздъ не видно было —
 [По грязнымъ] [Вдоль темныхъ улицъ фонари]
 [Горѣ] [Свѣтились тускло до зари]
 И буйный вихоръ вылъ увыло
 Клубя [одежды] капоты дѣвъ ночныхъ —
 И заглушая часовыхъ —

Въ своемъ роскошномъ кабинетѣ
 Въ то время [Герминъ?] [Го] [Чадкій] [Мин] [Румин] Рулинъ молодой
 [Сидѣлъ] Сидѣлъ задумчиво одинъ [при тихомъ] бѣлой [пр] при свѣтѣ
 [Свѣчи] [Лампады тусклой]
 [Л] [Свѣчи горѣвшей за тофтой]
 Одной лампы — [вѣтра] [вихря] вьюги [?] вой
 Волненье города глухое
 [И] Да бой дожда [по стекламъ оконъ] въ окно двойное
 Мостовъ [Кареть ропаніе [?] [неразб.] [Невы стенаніе] [ро] [глухое] [глухое]

¹⁾ Ср. Сочиненія Пушкина подъ ред. П. О. Морозова, изд. Просвѣщенія, т. III, стр. 247, 372 — 374.

Все [чувства] мысли усыпляетъ въ немъ —
 [Пылая гаснущимъ] Согрѣтый дремлющимъ огнемъ
 [Неразб.] Онъ [передъ бронзовымъ] у угасн. [?] каминомъ
 [Каминъ чугунный]
 [Въ халатѣ] [Потупя голову мечталъ —] [разв...]
 [Сидѣлъ въ халатѣ и скуфѣѣ]
 [Въ углу] [неразб.] [Его косматый Барсъ [?] его лежалъ]
 [Предъ] [хѣнливо] [наяву] [господиномъ]
 Дремалъ [хѣнливою] [душой] [хѣнливою душой]
 Видный [И] [И] [И] [И] [Мечтаній] юныхъ [толпой] передъ нимъ
 [Мѣнялись] тусклыя картины

Послѣ первой строфы, быстрымъ и ловкимъ очеркомъ Пушкин-ской манеры, набросаны перомъ: фигура молодого человѣка, опершагося задомъ на гранитъ набережной; со скрещенными на груди руками, съ обнаженной головой и съ высокой шляпой, поставленной около, на гранитѣ же, ниже — женская головка en-face, въ тюрбанѣ и женскій же профиль южнаго типа; на полѣ же противъ конца второй строфы менѣе искусно изображенъ человѣкъ, сидящій съ ногами на раздвижномъ растянутомъ вдлину креслѣ, — быть можетъ Руливъ, о которомъ идетъ выше рѣчь во 2-й строфѣ.

*

Текстъ Записокъ П. В. Нащокина, находящійся въ упомянутой тетради, былъ опубликованъ по этой тетради Я. К. Гротомъ въ газ. «Русь» 1885 г., № 22, стр. 1—2, довольно точно, но въ послѣдующихъ изданіяхъ испорченъ; такъ, оказались раскрытыми имена П. В. Нащокина (въ заглавіи), В. В. Нащокина и Суворова, въ рукописи Пушкина обозначенныя лишь буквами П. В. Н., В. В. Н. и С^{**}; вмѣсто печатнаго: «Суворовъ повернулся», у Пушкина написано: «С^{**} перевертѣлся»; вмѣсто: «не хочетъ быть онъ обязанъ» — въ рукописи «не хочетъ онъ быть обязану»; вмѣсто: «всталъ изъ-за стола» — «всталъ изо стола»; вмѣсто: «По восшествіи» — «По возшедствіи»; вмѣсто: «понятіе объ его жизни» — «понятіе объ образѣ его жизни»; вмѣсто: «на рослой испанской лошади» — «на рослой шпанской лошади»; вмѣсто «Куликовскій» — «Куликовской»; вмѣсто «Карликами» — «Карлами»; вмѣсто: «сажалъ на пушку» — «сажалъ ее на пушку»; вмѣсто «старушки лучшаго тона» — «старушки лучшаго тону»; вмѣсто «скоторому я обязанъ первымъ моимъ пьянствомъ, эпохою жизни

моей» — «которому обязанъ первымъ моимъ пѣнствомъ, эпохою въ жизни моей»; вмѣсто: «въ чуланѣ заперты были» — «въ чуланѣ спрятаны были»; о болѣе мелкихъ неисправностяхъ не упоминаемъ.

Разсказъ «Богородицины дочки» напечатанъ Я. К. Гротомъ по рукописи этой же тетради въ той же «Руси» 1885 г., № 22, — также достаточно исправно, но въ послѣдующихъ изданіяхъ текстъ искаженъ: такъ, вмѣсто печатающейся теперь полностью фамиліи Ведель, у Пушкина въ первомъ случаѣ поставлено многоточіе, а во второмъ и третьемъ — двѣ звѣздочки **; имя Императрицы Елизаветы дважды написано Пушкинымъ: Елисавета; вмѣсто: «въ дальнюю деревню» написано: «въ дальнюю деревню»; вмѣсто: «при воцареніи Екатерины» — «при возшедствіи Екатерины». Всѣ эти неисправности безусловно портятъ текстъ Пушкина и должны быть устранены изъ дальнѣйшихъ изданій ¹⁾).

Говоря о Плетневско-Гротовской тетради Пушкина, слѣдуетъ еще указать, что въ ней находится два самостоятельныхъ карандашныхъ рисунка: на стр. 20-й — фигура толстаго упавшаго лысаго старика, въ костюмѣ XVIII в.; при паденіи у него слетѣла шляпа-треуголка, а на л. 4 — мужчины (военнаго?), ѣдущаго въ телѣгѣ на тройкѣ бѣгущихъ рысью лошадей; ни тотъ, ни другой рисунокъ судя по техникамъ ихъ, никоимъ образомъ не могутъ быть, какъ слѣдвало это Я. К. Гротъ, признаны за рисунки Пушкина, и подпись подъ вторымъ, слѣланная Я. К. Гротомъ 19 окт. 1879 г., будто это «рисунокъ руки Пушкина, найденный въ тетради, гдѣ нѣсколько стиховъ первоначальной редакціи его Мѣднаго Всадника», должна быть признана ошибочной.

3. «ИСПАНСКІЙ РОМАНСЪ» И НЕИЗВѢСТНЫЙ ЗАМЫСЕЛЬ.

Три листка съ черновиками стихотвореній:

1) Начало пьесы: Ночной зефиръ струитъ эфиръ..., съ датою сбоку. «13 Нояб.»; даемъ транскрипцію черновика:

¹⁾ Мы смотрѣли по изданіямъ П. О. Морозова (Просвѣщенія) и Брокгауза-Ефрона подъ ред. С. А. Венгерова.

[Едва] бѣжить журчить
 Гвадалквивирь
 [Едва] [Ночной] Зефирь
 [Едва шумить]
 Струить Эфирь.

*

[Амурь на]
 [На балконъ идетъ Лаура]
 [Вотъ на балконъ
 Мантилья
 [Вышла Луиза ?] [Инеса]
 [Гдѣ твои крылья]
 [Сынъ Афродиты].

На клочкѣ писчей бумаги безъ водяныхъ знаковъ; 1 листокъ;

2) продолженіе той же пьесы; даемъ транскрипцію черновика:

Вотъ [вз.] горить Луна золотая
 [неразб. неразб.]
 [Тихо —] ночи [ночная]
 Тихо [шорохъ] чу!
 [Тишина] ... [арфы] гитары звонъ
 [Вотъ] [И] Вотъ Гишпанка молодая
 Оперлася на балконъ.
 [Кинь перчатку]
 Брось мантилью [милый?] Ангелъ
 [Ангелъ] милый
 [Появись мнѣ] И явись какъ яркій [лучъ] день;
 Сквозь [железные] перилы
 Ножку [милую] дивную продѣнь —

[Милый]

[Неразб.] [молви;]

Скинь мантилью

На отрывкѣ такой же писчей бумаги съ водяными знаками
 «... ALL... 4»; 1 листокъ;

3) черновикъ неизвѣстнаго замысла, очень исчерканный и незаконченный; снимокъ съ него былъ помѣщенъ въ изданіи П. Н. Полевого: «Исторія Русской словесности», т. III, С.-Пб. 1900, стр. 137; напечатанъ не совсѣмъ точно въ изд. В. Брюсова (А. С. Пушкин. Полное собраніе сочинений, т. I, 1919, стр. 390 — 391); даемъ нашу транскрипцію:

измѣнена авторомъ, какъ и слѣдующая, въ утвердительную, а одно слово прочтено въ ней невѣрно: надобно: «Никто не обратилъ тогда вниманія на ранніе опрѣсноки столь прекраснаго таланта». Наконецъ, издателями отброшено окончаніе рукописи, перечеркнутое кѣмъ-то (повидимому, не Пушкинымъ) карандашною поперечною линіею. Вотъ это, не бывшее еще въ печати окончаніе, въ текстѣ котораго мы ставимъ въ прямыя скобки слова зачеркнутыя ¹⁾:

Въ то время (1814 году) покойный Влад. Измайловъ [издавалъ въ Москвѣ довольно] былъ издателемъ Вѣстника Европы. Дельвигъ послалъ ему свои первые опыты; они были напечатаны безъ имени его и привлекли вниманіе [двухъ или трехъ знатоковъ] одного знатока, которые вид[ѣли]я произведенія новаго, неизвѣстнаго пера, [но] уже носящія на себѣ печать опыта и зрѣлости, ломал[и] себѣ голову стараясь угодать тайну Анонима. Впрочемъ [публика не замѣтила ихъ].

*

Замѣтимъ еще, что статья писана на бумагѣ съ водянымъ знакомъ 1833 г., — чѣмъ разбивается высказывавшееся издателями предположеніе, что она написана, какъ некрологъ, для «Литературной Газеты 1831 г.»: она, очевидно, имѣла самостоятельное значеніе и предназначалась, быть можетъ, для помѣщенія при сборникѣ стихотвореній Дельвига; по крайней мѣрѣ рукописи его, находящіяся нынѣ въ Пушкинскомъ Домѣ, носятъ на себѣ слѣды помѣтъ Пушкина, — помѣтъ редакціоннаго характера, свидѣтельствующа о работѣ его надъ ними, какъ редактора.

5. ОТРЫВОКЪ ИЗЪ ПИСЬМА КЪ КНЯЗЮ П. А. ВЯЗЕМСКОМУ.

Deux grands auteurs, les héros du Parnasse
Sont par le monde et choyés et chéris.
En vain leur Muse et detonne et grimace,
Des Visigoths ils sont les favoris.
Certain Quidam distinguant leurs écrits

¹⁾ Во всей статьѣ много зачеркнутыхъ словъ и фразъ, но для начала ея мы этихъ словъ и фразъ не приводимъ.

De ces Messieurs nous designe la place:
 L'un est, dit-il, le chantre du Midi,
 L'autre du Nord. Touchez là, c'est bien dit:
 Tant l'un est sec! et tant l'autre est de glace!

Поэма моя на исходѣ — думаю кончить послѣднюю пѣснь на этихъ дняхъ. Она мнѣ надобла — потому и не присылаю тебѣ отрывковъ.

Пушкинъ.

1820
 28 Марта.

(Изъ письма къ Вяземскому. Начало письма спросить у В. Зотова).

*

Приведенныя выше строки представляютъ собою точную копию со списка, сдѣланнаго В. П. Гаевскимъ ¹⁾, быть можетъ, съ подлиннаго письма Пушкина къ князю П. А. Вяземскому; письмо это было извѣстно, какъ указываетъ Гаевскій, Владимиру Рафаиловичу Зотову; послѣдній, популярный въ свое время журналистъ и писатель, былъ товарищемъ Гаевского по Лицею, но старше его тремя выпусками (1841 и 1845 гг.); онъ, конечно, зналъ объ усердныхъ занятіяхъ Гаевского Пушкинымъ и могъ сообщить ему, въ числѣ другихъ полезныхъ для него матеріаловъ, и письмо поэта, которымъ обладалъ или о которомъ зналъ; почему Гаевскій списалъ для себя только вторую часть письма, оставивъ начало, неизвѣстно, какъ неизвѣстно, сохранилось-ли это письмо гдѣ-либо; можемъ только сказать, что въ обширномъ архивѣ Зотова, перешедшемъ нынѣ, въ составѣ Дашковскаго собранія, въ Пушкинскій Домъ, этого письма не находится.

Принадлежность письма Пушкину не подлежитъ сомнѣнію: помимо авторитетнаго свидѣтельства такого добросовѣстнаго и освѣдомленнаго изслѣдователя, какъ Гаевскій, это доказывается фактическимъ указаніемъ, находящимся въ концѣ письма: поэма, упоминаемая здѣсь, — «Русланъ и Людмила», — была закончена Пушкинымъ какъ отмѣчено имъ въ черновой рукописи, 26-го марта 1820 г., и въ этотъ же день Жуковскій подарилъ юному поэту свой портретъ съ извѣстною надписью: «Побѣдителя-ученику отъ побѣжденнаго

¹⁾ Судя по почерку и бумагѣ, — въ 1850-хъ или 1860-хъ годахъ.

учителя въ тотъ высокаторжественный день, въ который онъ окончилъ свою поэмъ Русланъ и Людмила. 1820 марта 26, великая пятница». Правда, тому же Вяземскому Пушкинъ, мѣсяцемъ позже (около 21 апрѣля)¹⁾, писалъ почти то же: «Поэмъ свою я кончилъ, и только послѣдній, т. е. окончательный стихъ ея принесъ мнѣ истинное удовольствіе. Ты прочтешь отрывки въ журналахъ, а получишь ее уже напечатанную; она такъ мнѣ надѣла, что не могу рѣшиться переписывать ее клочками для тебя»; но между этими обоими письмами къ князю Вяземскому нѣтъ противорѣчій: въ первомъ портъ имѣетъ въ виду завершеніе поэмъ вчернѣ, а во второмъ — бѣловую, окончательную, по его собственному выраженію, отдѣлку.

Гораздо сложнѣе вопросъ о французскихъ стихахъ, написанныхъ Пушкинымъ: принадлежатъ-ли они ему или только имъ записаны? Какъ извѣстно, въ дѣтскіе и юные, лицейскіе годы Пушкинъ писалъ стихи на французскомъ языкѣ; изъ нихъ до насъ дошли: эпиграмма «Dis-moi pourquoi l'Escamoteur...», поэмъ «La Tolyade», (начало), «Stances» (1814) и «Mon portrait» (1814), «Княжѣ Волконской» (1816) и «Couplets» (1817)²⁾, и лишь приписываемое Пушкину стихотвореніе «A son amant Eglé sans resistance...», относимое къ 1821 г.; болѣе позднихъ піесъ Пушкина на французскомъ языкѣ не извѣстно³⁾; но въ 1820 году онъ какъ будто еще могъ бы позволить себѣ въ шутку пародировать стиль французскихъ поэтовъ XVIII вѣка и набросать піесу совершенно въ духѣ Вольтера, Пирона, Грессе и ихъ современниковъ. Если бы приведенное въ письмѣ девятистишіе было сочинено не самимъ Пушкинымъ, — какой смыслъ имѣло бы сообщать его Вяземскому? Послѣдній былъ начитанъ и зналъ французскихъ поэтовъ не хуже Пушкина, если не лучше его, и по свойству своего ума и литературнаго дарованія былъ особенно склоненъ къ поэзіи сатирической, любилъ эпиграммы и самъ изощрялся въ

1) Въ Акад. изданіи Переписки (т. I, стр. 14) письмо это датировано «первой половиной марта» — неправильно.

2) Ихъ стихотворный переводъ см. въ изданіи Соч. Пушкина подъ ред. В. Я. Брюсова, т. I, М. 1919, стр. 104 — 107.

3) Изъ перечисленныхъ «Stances» были опубликованы впервые именно В. П. Гаевскимъ въ статьѣ его «Пушкинъ въ Лицѣв и его лицейскія стихотворенія» (1863).

нихъ: Пушкинъ могъ захотѣть похвалиться передъ своимъ другомъ удачною пьескою съ остроумнымъ каламбуромъ въ заключеніи. Какъ бы то ни было, пока не будетъ найденъ источникъ приведеннаго девятистишія, — его, съ большей или меньшей вѣроятностію, можно приписывать Пушкину. Нужды нѣтъ, что мы не можемъ подвести реальную русскую основу подъ содержаніе сатирическаго выпада, указать, кого именно эпиграмма имѣетъ въ виду подъ пѣвцами Сѣвера и Юга, и что для наименованія грубыхъ, необразованныхъ и мало развитыхъ въ литературномъ отношеніи читателей употреблено имя дикихъ Визиготовъ, — пріемъ, употреблявшійся Вольтеромъ: Пушкинъ могъ нарочно «передразнить» одного изъ своихъ литературныхъ учителей-франдузовъ и заимствовать у него всѣ пріемы со свойственнымъ ему искусствомъ.

6. ПИСЬМО КЪ А. Д. БАЛАШЕВУ.

Дружескія чувства къ Павлу Воиновичу Нащокину заставили однажды Пушкина, въ началѣ 1832 г., вступить въ переписку съ Александромъ Дмитриевичемъ Балашевымъ (р. 1770, ум. 8-го мая 1837); одинъ изъ старѣйшихъ тогда генералъ-адъютантовъ, Членъ Государственнаго и Военнаго Совѣтовъ, Балашевъ былъ нѣкогда (1810 — 1816) всесильный Министръ Полиціи и пользовался особенною извѣстностью по связи своей съ дѣломъ о высылкѣ Сперанскаго; въ 1820 — 1825 гг. онъ занималъ постъ Рязанскаго, Тульскаго, Орловскаго, Воронежскаго и Тамбовскаго Генералъ-Губернатора.

О перепискѣ Пушкина съ Балашевымъ было донинѣ извѣстно лишь по двумъ письмамъ Балашева къ поэту, отъ 19-го января и 22-го января 1832 г. ¹⁾, изъ которыхъ первое служило отвѣтомъ на письмо Пушкина. Это послѣднее остается донинѣ неизвѣстнымъ, но мы можемъ теперь, по копіи, снятой В. П. Гаевскимъ и сохранившейся въ его бумагахъ, поступившихъ въ Пушкинскій Домъ, сообщить письмо Пушкина, служащее отвѣтомъ на второе письмо Балашева — отъ 22-го января 1832 г. ²⁾.

¹⁾ Они впервые были опубликованы В. Я. Брюсовымъ въ его сборникѣ «Письма Пушкина и къ Пушкину», М. 1903, стр. 107 и 108.

²⁾ См. его въ Акад. изд. Переписки, т. II, стр. 362 — 363.

Сношенія Пушкина съ Балашевымъ возникли по слѣдующему поводу. Женитьба поэта вовлекла его въ большіе долги, выпутываться изъ которыхъ помогаль ему Нащокинъ; но этотъ вѣрный другъ Пушкина самъ постоянно нуждался въ средствахъ, которыхъ у него не хватало на широкую, расточительную жизнь: Нащокинъ не желаль ни въ чемъ себѣ отказывать, увлекался и карточной игрой, и женщинами, окружалъ себя толпою безпутныхъ авантюристовъ и любителей поживы, разорялся на удовлетвореніе самыхъ причудливыхъ прихотей. Пріѣхавъ въ Москву впервые послѣ своей женитьбы, поэтъ писалъ женѣ (8-го декабря 1831 г.): «Нащокина не нашель я на старой его квартирѣ; насилу отыскаль его у Пречистенскихъ воротъ, въ домѣ Ильинской (не забудь адреса). Онъ все тотъ же: очень милъ и уменъ; былъ въ выигрышѣ, но теперь проигрался, въ долгахъ и хлопотахъ. Твою комиссію исполниль: поцѣловаль за тебя и потомъ объявилъ, что Нащокинъ дуракъ, дуракъ Нащокинъ. Домъ его (помнишь?) отдѣляется; что за подсѣвчики, что за сервизъ! онъ заказаль фортепьяно, на которомъ играть можно будетъ пауку, и судно, на которомъ испразнится развѣ шпанская муха»¹⁾. Черезъ недѣлю Пушкинъ сообщаль женѣ: «Нащокинъ запуталь дѣла свои болѣе, нежели мы полагали. У него три или четыре прожекта, изъ коихъ ни на единый онъ еще не рѣшился», а на другой день писалъ: «Нащокинъ занять дѣлами, а домъ его — такая безтолочь и ералашъ, что голова кругомъ идетъ. Съ утра до вечера у него разные народы: игроки, отставные гусары, студенты, стряпчіе, цыганы, шпионы, особенно заимодавцы. Всѣмъ вольный входъ. Всѣмъ до него нужда; всякій кричить, курить трубку, обѣдаетъ, поеть, пляшетъ; угла нѣтъ свободнаго — что дѣлать? Между тѣмъ денегъ у него нѣтъ, кредита нѣтъ, — время идетъ, а дѣло мое не разпутывается». По возвращеніи въ Петербургъ, Пушкинъ писалъ своему другу 8-го января 1832 г.: «Здравствуй, любезный Павелъ Воиновичъ, я все ждалъ отъ тебя извѣстія. Нетерпѣливо желаю знать, чѣмъ кончилось посольство, какой ultimatum твоего брата и есть-ли тебѣ надежда устроить дѣла твои? Пожалуй-ста, не полѣнись обо всемъ обстоятельно мнѣ

¹⁾ Извѣстный игрушечный домикъ, стоившій Нащокину большихъ денегъ; нѣсколько лѣтъ тому назадъ владѣлецъ домика, г. Голяшкинъ, выставяль его въ залахъ Академіи Наукъ.

описать», — и затѣмъ снова просилъ: «Напиши мнѣ обстоятельно о посольствѣ своего нѣмца. Дѣло любопытное. Когда думаешь ты получить свои деньги и не вступишь-ли ты въ процессъ (чего Боже избави, но чего впрочемъ бояться нечего)». Между тѣмъ, еще до полученія этого письма, Нащокинъ уже рассказывалъ Пушкину о посольствѣ «своего нѣмца» къ брату, В. В. Нащокину, и прибавлялъ: «Думаемъ мы съ Анд: Хрис: перекрестясь начинать кой какъ наше завѣденіе. Дѣло вотъ въ чемъ: буде тебѣ легко достать денегъ, какъ ты сказывалъ; въ такомъ случаѣ достань и дай ихъ Андрею Христофоровичу, который закупить, что слѣдуетъ, для нашего начала; буде же не такъ легко, какъ мы думаемъ, въ такомъ случаѣ мой нижайшая просьба себя ни сколько не тревожить». Письмо это ¹⁾ было привезено Пушкину, повидимому, самимъ А. Х. Кнердеромъ, который, пріѣхавъ, просилъ поэта, отъ имени Нащокина, написать къ А. Д. Балашеву письмо по вопросу о приобрѣтеніи у него участка земли въ его дачѣ подъ Симоновымъ монастыремъ, на берегу Москвы-рѣки: здѣсь Нащокинъ, для поправленія своихъ запутанныхъ дѣлъ, предполагалъ, при содѣйствіи нѣмца-Кнердера, механика по специальности, завести мельницу и съ ея помощью выйти изъ долговъ. На неизвѣстное намъ обращеніе Пушкина Балашевъ отвѣчалъ 19-го января 1832 г. слѣдующимъ письмомъ:

Милостивый Государь

Александръ Сергѣевичъ!

Получа пріятное письмо ваше, послѣдую на оное отвѣтствовать: я очень радъ, что Г. Кнердеръ прибѣгнулъ къ посредничеству вашему, по предмету желаемой имъ купить земли у меня, потому что доставляетъ мнѣ случай быть въ сношеніи съ вами, я полагаю, что сія земля находится должна въ имѣніи моемъ, подъ Симоновымъ монастыремъ находящемся и называемомъ Тюфили; но положеніе торгуемаго мѣста мнѣ неизвѣстно, то-есть, сколько сажень по берегу Москвы рѣки, и сколько въ глубь и также къ концу ли границы

¹⁾ Оно неправильно отнесено Акад. изданіемъ Переписки Пушкина (т. II, стр. 364) ко второй половинѣ января 1832 г.: оно несомнѣнно писано въ началѣ января, вскорѣ послѣ новаго года.

моей, и какую дѣну предлагаетъ Г. Кнердеръ за десятину, ибо у меня тутъ 222 десятины, которыя мнѣ бы хотѣлось продать вообще; но въ прочемъ отъ сего послѣдняго я и отступить могу. — Какъ скоро обо всѣхъ обстоятельствахъ сихъ узнаю, то такъ же скоро и на продажу отвѣтъ дать готовъ какъ и нынѣ.

Пребывать честь имѣю съ особеннымъ уваженіемъ и почтеніемъ вашъ покорнѣйшій слуга А. Балашевъ.

Черезъ три дня, 22-го января, Балашевъ сообщалъ Пушкину:

Милостивый Государь
Александръ Сергѣевич!

Обстоятельное предложеніе касательно Тюфилевой моей дачи имѣлъ честь сей часъ получить, и вотъ мой отвѣтъ:

во всей сей дачѣ 222 десятины; дѣна всей даче 110,000 р. — Есть-ли nebudeтъ охотника на всю дачу, то я рѣшусь продавать и частями; но въ семъ послѣднемъ случаѣ нельзя мнѣ сравнить десятины прибрежныя съ десятинами въ глубину, потому что однѣ другихъ не сравненно выгоднѣе, а потому и расцѣнку сдѣлать должно: неужгодно ли будетъ Г. Кнердеру (есть ли онъ здѣсь) пожаловать ко мнѣ и по плану назначить черту, отдѣляющую желаемую имъ часть земли, то мы въ дѣлѣ сговориться можемъ удобнѣе. — Мнѣ Оберъ-Прокуроръ Новосильдовъ предлагаетъ назначенную мною дѣну 110/т. р.; но при совершеніи купчей даетъ только 50/т., а остальные на годъ съ залогомъ той же дачи; а я желаю получить всѣ наличными: вотъ въ чемъ у насъ остановка. — Доходу мнѣ съ дачи болѣе нежели что дать могутъ 110/т. А потому, отдавая дешево, отдать очень дешево не могу. Прибрежная же десятина конечно стоитъ въ двое противу прочей.

Примите вновь свидѣтельство особеннаго уваженія, съ которымъ пребывать честь имѣю вашимъ покорнѣйшимъ слугою А. Балашевъ.

22 Января 1832.

PS. Дача Тюфилева куплена мною въ 1815 году за 130.000 р. у купца Гжельцова.

Отвѣчая на это то письмо и посылая къ Балашеву самого Кнерцера для устныхъ объясненій, Пушкинъ писалъ:

Милостивый Государь
Александръ Дмитриевичъ!

Еще разъ благодаря Ваше Высокопревосходительство. и прося извиненія за ходатайство, коимъ Вамъ докучаю, препровождаю къ Вамъ по приказанію Вашему Г. Кнерцера, который лучше моего объяснить Вамъ свои предположенія.

Съ глубочайшимъ почтеніемъ честь имѣю быть,
Милостивый Государь,
Вашего Высокопревосходительства
покорнѣйшій слуга

Александръ Пушкинъ.

23 Янв.
1832. СПб.

Къ тексту этого, донинѣ бывшаго неизвѣстнымъ письма можемъ добавить, изъ дальнѣйшей переписки Пушкина, что въ концѣ января или началѣ февраля 1832 г. Кнерцеръ отправился обратно въ Москву, получивъ отъ Пушкина на дорогу 1000 рублей ¹⁾ и, по-видимому, уладивъ дѣло съ покупкою земли въ Тюфляхъ: по крайней мѣрѣ въ письмѣ отъ второй половины февраля 1833 г. Пушкинъ, отвѣчая Нащокину на его грустное письмо съ жалобами на запутанность дѣлъ и на окружающую его суету, духовную «стужу и скуку», писалъ: «За глаза я все боюсь за тебя. Все мнѣ кажется, что ты гибнешь... Дай Богъ мнѣ зашибить денегу, тогда авось тебя выручу. Тогда авось разведемъ тебя съ сожительницей, заведемъ мѣльницу въ Тюфляхъ, — и заживешь припѣваючи и пишучи свои Записки»; изъ письма же Нащокина къ Пушкину, относящагося къ январю-февралю 1834 года, видно, что въ это время Нащокинъ собирался ѣхать изъ Москвы въ Тюфли, а оттуда въ подмосковную, чтобы обвѣнчаться тамъ, тайно отъ своей сожительницы-цыганки, съ В. А. Нарской. «Писать ко мнѣ», прибавлялъ онъ: «ты можешь на имя Андрѣя Христофоровича Кнерцера машиниста, въ Тюфли,

¹⁾ Переписка, т. II, стр. 367, 370.

который между прочимъ просить, чтобы ты позволилъ бы ему въ случаѣ нужды адресоваться. Онъ уже будетъ знать о моемъ пребываніи. Еще прошу тебя позаботиться объ деньгахъ, ибо мнѣ никогда онѣ такъ не нужны, какъ теперь и буде ты можешь ихъ прислать, пришли ихъ на имя А. Х. К.!» Въ письмѣ, писанномъ черезъ мѣсяцъ или два послѣ этого, Нащокинъ спрашивалъ Пушкина, писалъ-ли онъ Кнердеру; наконецъ, Пушкинъ, въ исходѣ октября 1835 г., спрашивая Нащокина: «Каковы твои дѣла?» прибавлялъ: «Что Кнердеръ и твой жиденокъ-лекаръ, котораго Наталья Николаевна такъ не любитъ? А у нея пречуткое сердце. Смотри, разпутайся съ ними: это необходимо».

Не знаемъ, распутался-ли Нащокинъ съ Кнердеромъ; знаемъ только, что въ то время, какъ этотъ безалаберный другъ поэта совершенно разорился и умеръ (въ 1854 г.) въ бѣдности, оставивъ свою семью въ полной нищетѣ, А. Х. Кнердеръ въ 1851 году, по Адресной книгѣ Москвы, числился уже почетнымъ гражданиномъ и куцомъ 2-й гильдіи (жилъ онъ тогда въ Рогожской части, у церкви Рождества Богородицы, на Москвѣ-рѣкѣ, въ домѣ Шнейдера) ¹⁾ и, будучи на 11 лѣтъ старше своего хозяина, умеръ лишь за полтора года до него: въ надписи на прочномъ надгробномъ памятникѣ, донынѣ сохранившемся на Московскомъ Иновѣрческомъ кладбищѣ, что на Введенскихъ горахъ, указано, что Heinrich-Adam Knoerzer, родившійся 8-го февраля 1789 года, скончался 5-го марта 1853 года ²⁾.

Что касается Балашева, то никакихъ другихъ сношеній у Пушкина съ нимъ не было. Характеристику этого вельможи, какъ всегда, злую, но жизненную, находимъ мы въ Запискахъ Вигеля; а товарищъ Пушкина по Лидею баронъ (впослѣдствіи графъ) М. А. Корфъ даетъ такой портретъ этого вліятельнаго, чуть-ли не всемогущаго въ свое время сановника: «Съ большимъ природнымъ умомъ, съ блестящими дарованіями, съ необыкновенною хитростію и столь же необыкновеннымъ искусствомъ находить расположеніе въ тѣхъ, въ комъ нуждался, онъ, несмотря на то, что былъ возвращенъ въ военномъ мундирѣ, имѣлъ въ себѣ многое изъ самаго низкаго подьяческаго типа. Постыдное

¹⁾ К. Нистремъ, Адресъ-Календаръ жителей Москвы, ч. II, М. 1851 г., стр. 178.

²⁾ Московскій Некрополь, т. II, стр. 52.

его лихоимство знала вся Россія, онъ бралъ немилосердно, гдѣ только можно было; бралъ и какъ оберъ-полиціймейстеръ, и какъ военный губернаторъ, и даже какъ министръ [Полиціи]. Страсть къ преступному любостыжанію не охладѣла въ немъ и тогда, когда, черезъ второй бракъ свой, въ 1808 году, съ дѣвицею Бекетовою [ум. 1823], двоюродною сестрою И. И. Дмитріева, онъ сдѣлался обладателемъ огромнаго богатства. Министерство его было не высшимъ, по назначенію своему, блюстителемъ надъ общественными нравами, а полицейскою конторою, въ которой одною рукою брали, а другою употребляли на шпіонство, вывѣдываніе и клеветы и т. д.»¹⁾

Балашевъ оставилъ послѣ себя потомство; обращеніе Коммисіи по изданію сочиненій Пушкина, лѣтъ 15 тому назадъ, къ одному изъ современныхъ представителей этого рода съ просьбою о разысканіи въ семейномъ архивѣ писемъ Пушкина къ А. Д. Балашеву не дало благопріятныхъ результатовъ: Коммиссія получила отвѣтъ, что письма эти найдены не были, — и остается неизвѣстнымъ, сохранились-ли они до настоящаго времени.

7. ПИСЬМО КЪ В. А. ПЕРОВСКОМУ.

Посылаю тебѣ Исторію Пугачева въ память прогулки нашей въ Берды; и еще 3 экзempl., Далю, Покотилову и тому охотнику, что Вальшнеповъ сравниваетъ съ Валленштейномъ, или съ Кесаремъ — Жалѣю что въ П. Б. удалось намъ встрѣтиться только на балѣ — Досвиданія, въ степяхъ или надъ Ураломъ. А. П.

На оборотѣ: Его Превосходительству Василю Алексѣвичу Перовскому etc.

Письмо поэта, донинѣ неизвѣстное, писано на листѣ почтовой «Гончаровской» бумаги большого формата, съ водяными знаками «А. Г. 1834» и запечатано на складкѣ пакета сургучною печатью съ оттискомъ перстня-талисмана. Обращено оно къ генераль-адъютанту Василю Алексѣвичу Перовскому, съ 15-го апрѣля 1833 г. занимавшему

¹⁾ «Русск. Стар.» 1902 г., № 3, стр. 485.

постъ Оренбургскаго Военнаго Губернатора, управляющаго и гражданскою частью губерніи, и Командующаго Оренбургскимъ Отдѣльнымъ корпусомъ. Одинъ изъ ближайшихъ друзей Жуковскаго и его «Свѣтланы» Воейковой, человѣкъ «геніальнаго сердца» («Русск. Арх.» 1881 г., кн. III, с. 475), высоко-прѣсвѣщенный и ярко-оригинальный (см. «Ист. Вѣстн.» 1908 г., № 3, стр. 797 и сл.), усиленно-привлекавшій къ себѣ вниманіе Льва Толстого (см. «Толстовскій Музей», т. I, стр. 287—290), Перовскій имѣлъ случай, во время поѣздки Пушкина въ Восточную Россію для собиранія матеріаловъ по исторіи Пугачевщины, въ сентябрѣ 1833 г., оказать ему нѣсколько услугъ и принимать его у себя въ домѣ, на загородной дачѣ подь Оренбургомъ ¹⁾. Обстоятельства пребыванія Пушкина въ Оренбургѣ и его поѣздки, съ Владиміромъ Ивановичемъ Далемъ, въ Бѣрды (за Оренбургъ верстъ около семи) подробно разсказаны въ исчерпывающей статьѣ Д. Н. Солодова «Пушкинъ въ Оренбургѣ» — въ сборникѣ «Пушкинъ и его современники», вып. XXIII—XXIV, 1916 г., стр. 67—100 и 301—304; къ ней мы и отсылаемъ любознательнаго читателя, желающаго ознакомиться съ этимъ эпизодомъ изъ жизни Пушкина, — здѣсь же скажемъ

1) Графъ В. А. Соллогубъ разсказываетъ въ Воспоминаніяхъ своихъ, что именно съ посѣщеніемъ Оренбурга и пребываніемъ у В. А. Перовскаго связанъ анекдотъ, давшій Пушкину мысль, сообщенную имъ Гоголю, о «Ревизорѣ», а П. И. Бартеневъ сообщаетъ, со словъ автора «однихъ неизданныхъ записокъ о жизни Пушкина», слѣдующее по тому же поводу: «Въ поѣздку свою въ Уральскъ, для собиранія свѣдѣній о Пугачевѣ, въ 1833 г., Пушкинъ былъ въ Нижнемѣ, гдѣ тогда губернаторомъ былъ М. П. Б. (чит. «Бутурлинъ». Б. М.). Онъ прекрасно принялъ Пушкина, ухаживалъ за нимъ и вѣжливо проводилъ его. Изъ Нижняго Пушкинъ поѣхалъ прямо въ Оренбургъ, гдѣ командовалъ его давнишній пріятель, гр. Василій Алексѣевичъ Перовскій. Пушкинъ у него и остановился. Разъ они долго сидѣли вечеромъ. Поздно утромъ Пушкина разбудилъ страшный хохотъ. Онъ видитъ: стоятъ Перовскій, держитъ письмо въ рукахъ и заливается хохотомъ. Дѣло въ томъ, что онъ получилъ письмо отъ Б. изъ Нижняго, содержанія такого: «У насъ недавно проѣзжалъ Пушкинъ. Я, зная, кто онъ, обласкалъ его, но должно признаться, никакъ не вѣрю, чтобы онъ развѣзжалъ за документами объ Пугачевскомъ бунтѣ; должно быть ему дано тайное порученіе сообщать свѣдѣнія объ несправностяхъ. Вы знаете мое къ вамъ расположеніе; я почелъ долгомъ вамъ посовѣтовать, что бъ вы были осторожны», и пр. Тогда Пушкину пришла идея написать комедію Ревизоръ...» Авторъ утверждаетъ, что такъ слышалъ онъ отъ самаго Пушкина («Русск. Арх.» 1865 г., ст. 1212—1213).

о томъ лишь, что служить къ объясненію вышеприведеннаго новаго письма Пушкина; оно нашлось въ той части архива Даля ¹⁾, которая въ 1919 г. поступила въ Пушкинскій Домъ; въ бумаги къ Далю оно попало, очевидно, отъ самого Перовскаго, съ которымъ «Казакъ Луганскій» прѣвхаль служить въ Оренбургъ весною 1833 года и съ которымъ былъ довольно близокъ ²⁾.

Прежде всего слѣдуетъ выяснить, къ какому времени относится письмо? Водяной знакъ на бумагѣ приводитъ насъ къ 1834 году, какъ къ *terminus a quo*; съ другой стороны извѣстно, что «Исторія Пугачевского Бунта» вышла изъ типографіи въ послѣднихъ числахъ декабря 1834 года ³⁾, — слѣдовательно, посылка экземпляровъ въ Оренбургъ могла послѣдовать уже въ 1835 году; если же принять во вниманіе, что въ глухую зиму врядъ-ли кто-нибудь изъ знакомыхъ Пушкина пускался въ далекій Оренбургъ (письмо писано, какъ видно по адресу и отсутствію почтовыхъ помѣтъ, не по почтѣ, а «съ оказіей», съ кѣмъ-либо ѣхавшимъ въ Оренбургъ), — можно думать, что отправка книгъ и письма произошла не ранѣ весны 1835 г., напр., апрѣля мѣсяца, когда Пушкинъ послалъ экземпляры «Исторіи» въ Москву — къ И. И. Дмитріеву и Д. Н. Бантышу-Каменскому ⁴⁾; всѣ же экземпляры книги, въ листахъ, были доставлены Пушкину лишь 5-го сентября 1835 года, и ихъ надлежало еще брошюровать ⁵⁾. Болѣе точно датировать письмо, къ сожалѣнію, не удастся. Изъ лицъ, упоминаемыхъ въ письмѣ Пушкина, — о Далѣ распространяться не

1) Другая часть архива, какъ сообщила намъ внучка писателя, Е. П. Ляпунова, рожд. Демидова, погибла въ Нижнемъ Новгородѣ, гдѣ сундукъ съ бумагами Даля былъ проданъ, въ разгаръ революціи, прислугою на обертки.

2) Съ Далемъ Перовскій познакомился у Жуковскаго («Русск. Арх.» 1872 г., столб. 2027).

3) Тогда-же (20-го декабря 1834 г.) самъ Перовскій прѣвзжалъ не на долго въ Петербургъ («С.-Петербург. Вѣд.» 1834 г., № 299, стр. 1561).

4) В. Д. Вольховскому книга была послана 22 іюля 1835, при письмѣ, писанномъ на такой же бумагѣ, какъ и письмо къ Далю (см. «Труды Я. К. Грота», т. III, прил., стр. 176); на такой же бумагѣ писаны и письма къ Бантышу-Каменскому отъ 26 января и 2 апрѣля 1835 г. (см. ниже).

5) И. А. Шлякинъ, Изъ неизданныхъ бумагъ Пушкина, С.-Пб. 1903, стр. 219—220; А. Н. Макаровъ, Дѣло о напечатаніи Исторіи Пугачевского бунта — «Пушк. и его соврем.», вып. XVI, стр. 77 — 92.

приходится, тѣмъ болѣе, что ниже мы будемъ приводить нѣсколько его сообщеній, касающихся именно этого письма поэта. Что касается Покотилова, котораго Пушкинъ удостоилъ подарка книгою, то это былъ, безъ сомнѣнія, тотъ лихой атаманъ Уральскихъ казаковъ, о которомъ самъ поэтъ рассказывалъ въ письмѣ своемъ къ женѣ отъ 2-го октября 1833 г., сообщая ей о повѣздкѣ въ Уральскъ: «Тамошній Атаманъ и козаки приняли меня славно, дали мнѣ два обѣда, подпили за мое здоровье, на перерывѣ давали мнѣ всѣ извѣстия, въ которыхъ имѣлъ нужду, и накормили меня свѣжей икрой, при мнѣ изготовленной». Василий Осиповичъ Покотиловъ, питомецъ Второго Кадетскаго Корпуса, изъ котораго былъ выпущенъ въ 1805 году подпоручикомъ въ полевую артиллерію ¹⁾,— всю свою службу провелъ въ артиллерійскихъ частяхъ, въ іюнѣ 1821 г. произведенъ былъ въ подполковники и былъ тогда командиромъ Оренбургской казачьей конной роты № 11, а въ 1828—1829 гг. занималъ должность командира Оренбургской артиллерійской казачьей конной роты № 10 ²⁾,— повидимому вплоть до 17-го августа 1830 г.,— дня, когда онъ замѣстилъ скончавшагося 15-го августа извѣстнаго Уральского войскового атамана Д. М. Бородина ³⁾,— сперва временно, съ 9-го же декабря 1833 г. былъ, по желанію Перовскаго, утвержденъ Наказнымъ атаманомъ ⁴⁾. Съ нимъ былъ хорошо знакомъ Даль, въ особой статейкѣ-корреспонденціи, напечатанной въ Булгаринской «Сѣверной Пчелѣ» 1834 г. (7-го мая, № 101, стр. 403—404), описавшій его вступленіе въ должность атамана. Приводимъ здѣсь эту статейку «Казака Луганскаго», писанную его своеобразнымъ языкомъ,—особенно въ виду того, что она не вошла въ собраніе его сочиненій и потому совсѣмъ неизвѣстна:

¹⁾ Историческое обозрѣніе 2-го Кадетскаго Корпуса, С.-Пб. 1862, прил., стр. XXIX.

²⁾ Списокъ штабъ-офицерамъ по старшинству. Напечатанъ по 1-е Октября 1821 г., стр. 390; Списокъ генераламъ, штабъ и оберъ-офицерамъ всей Россійской арміи, С.-Пб. 1829, стр. 37.

³⁾ Архивъ Декабриста, подъ редакціей кн. С. М. Волконскаго и Б. Л. Модзалевскаго, т. I, Пгр. 1918, стр. 45—46 и др.

⁴⁾ Столѣтіе Военнаго Министерства. Главное Управленіе казачьихъ войскъ т. XI, ч. 1, стр. 292 и ч. 2, стр. 226.

НОВЫЙ АТАМАНЪ

(Письмо изъ Уральска).

Уральцы, годика съ три тому, оплакали Атамана своего, Генераль-Маіора Бородина. Коли не случилось кому изъ васъ видѣть его, такъ знайте, что былъ онъ казакъ, душа молодецкая, стройный и рослый, и бойкой, лихой осанки. Сказывалъ мнѣ вѣрный человекъ, что есть и повыиѣ въ чужихъ краяхъ не малое число картинъ, списанныхъ съ Сотника, не то съ Есаула, Бородина, какъ ходилъ онъ туда молодымъ казакомъ съ Суворовымъ: глядеть иѣмцы, не налюбуются! Ну, да онъ теперь передъ Богомъ, его не воротишь — да и я сѣлъ не лики писать, не панихиду служить, а хочу говорить про нынѣшнее.

Атаманомъ всѣхъ Казачьихъ Войскъ нынѣ — сами вы знаете кто: казаки, поминая Его, всегда шапки снимаютъ. Но Государю Императору угодно было дать Уральцамъ Наказнаго Атамана. Въ лице хвалить не годится, а то бы я сказалъ при всѣхъ, что новый Наказной Атаманъ Уральцевъ — лихой Атаманъ!

И такъ, по назначенію Полковника Василя Осиповича Покоилова Наказнымъ Атаманомъ Уральского Войска, пошли пиры да гульба, а казаки загуляютъ, такъ не шутятъ: хоть святыхъ вонъ понеси! Не знаю, гдѣ проявилась на Руси пословица: загулялъ, такъ и ворота на запоръ; да только вѣрно ни на Дону, ни на Уралѣ. Здѣсь: загулялъ, такъ ворота настезь, — не хуже побыта блаженныя памяти ласкова солнышка Князь-Владиміра: мимо пирушки пути-дороги не пролегаетъ, а заворачивай-знай на подворье, кто живой подошелъ!

Атаманъ чествовалъ всѣхъ наличныхъ войсковыхъ чиновниковъ обѣденнымъ столемъ; потомъ, какъ Войско собралось съ багренаго рыболовства, а вы знаете, что Войско ходитъ и на осетровъ и на бѣлугъ, что на французовъ, — лавою; какъ возвратилось, говорю, съ благополучнаго лова, такъ помолилось Богу и, послѣ общаго молебствія, совершеннаго въ Соборѣ, явилось на зовъ атаманскій, погулять и попраздновать, да распить передъ домомъ атаманскимъ сороковую бочку вина некупленнаго.

— Пилъ чару зелена вина малый и великій, да поминалъ хозяина, пили казаки на овъ и на инъ, — пилъ и отставной казакъ

Шарль Бертю... Казакъ Шарль Бертю!.. Такъ, господа, отставной, приписной Уральскій казакъ Шарль Бертю; коли мнѣ не вѣрите, спросите у людей: люди видѣли, какъ онъ и усы отиралъ. Онъ зашелъ во время оно въ матушку Россію, не знаю, званый ли, не званый ли, а на пиру атаманскомъ былъ онъ званый. Его взяли казаки въ 1812 году, завезли сюда; онъ обжился, женился, да въ казаки приписался — вотъ вамъ и французскій казакъ Шарль Бертю!

Между тѣмъ Наказной Атаманъ далъ вечеръ и балъ, на который съѣхались и Уралки наши, въ цвѣтныхъ сарафанахъ, въ шелковыхъ широкихъ рукавахъ, не въ модныхъ райскихъ птичкахъ, а въ богатыхъ саженохъ сорокахъ ¹⁾, да въ дѣвичьихъ дорогихъ поднизяхъ ²⁾, не въ бронзовыхъ цѣпочкахъ да пряжкахъ, а въ чистомъ золотѣ; не въ чужихъ кудряхъ, а въ своихъ косахъ, да въ окатныхъ жемчугахъ; я говорю вамъ, что тутъ ничѣмъ не шутятъ: поглядите, коли знаете толкъ, — тутъ въ каждомъ сорокѣ десятки тысячей!

Наконецъ, 15 февраля, приняли уральцы и угостили новаго Атамана своего по-своему. Это было вотъ какъ: Поутру явились къ нему два Штабъ-Офицера и просили Атамана именемъ всѣхъ собратій своихъ подарить ихъ нынѣшнимъ днемъ и порадоваться общей радости. Вечеромъ, когда все было приуготовлено, а гости и чиновники войсковые съѣхались, — два Штабъ-Офицера отправились со вторичнымъ и окончательнымъ приглашеніемъ и прибыли вмѣстѣ съ Атаманомъ своимъ къ назначенному дому. Старшины и почетные войсковые чиновники встрѣтили дорогаго гостя на крыльцѣ и, какъ водится, проводили его подъ звонкую музыку въ залу. Весь домъ былъ освѣщенъ снутри и снаружи, а на балконѣ былъ выставленъ щитъ съ изображеніемъ вензеловыхъ именъ Государя Императора, Государыни Императрицы и Высокаго Атамана всѣхъ Казачьихъ Войскъ.

Празднество открыто было польскимъ, въ головѣ коего шелъ Атаманъ съ одною изъ почтеннѣйшихъ туземокъ. Музыка гремѣла и пляска продолжалась во всю ночь. Хотя нельзя сказать, чтобы пляски, или такъ называемые танцы, были здѣсь во всеобщемъ употребленіи, но многіе изъ молодыхъ чиновниковъ войсковыхъ

1) Головной уборъ женщинъ.

2) Головной уборъ дѣвицъ.

пляшутъ охотно и хорошо. Сѣли за столъ; большая часть мужчинъ осталась на ногахъ. Во время ужина появился неожиданно, противъ почетнаго мѣста, занимаемаго Атаманомъ, освѣщенный щитъ съ именемъ его и съ лестною притомъ надписью.

Заздравная братина пошла ходить изъ рукъ въ руки. Пили здравіе Царя и Царицы и Атамана Цесаревиче и всего Пресвѣтлѣйшаго Дома, всѣхъ виѣстѣ и каждаго порознь. Дошла очередь до Оренбургскаго Военнаго Губернатора, а наконецъ и до Наказнаго Атамана. Тогда ему принесено было условленное поздравленіе, — сперва всѣми наличными чиновниками, потомъ избранными почетными казаками, отъ имени дѣлаго Войска, потомъ учениками Войскового училища и наконецъ, — учитесь братцы, какъ встрѣчать и принимать Атамановъ своихъ, у Уральцевъ: пятеро милыхъ, богато-убранныхъ дѣвицъ высшаго казачьяго сословія подошли, — шумный, радостный, говоръ умолкъ, почтительная тишина воцарилась; дѣвицы подошли въ Атаману, поклонились ему, по обычаю своему, низенько, сказывали ему долго жить, братьями, отцами, женихами праведно и ласково управлять, судъ и правду рядить, — и поднесли ему, — ни серебра ни золото, — а поднесли снопикъ живыхъ, самородныхъ цвѣтовъ. Всѣ наличные гости или хозяева, — какъ хотите, — подняли ура, прямо по-казацки: окна задрезбуждали и двери сами порастворялись! А казаки, запрудивъ широкую улицу, того и ждали: подхватили и себѣ, да такъ, что и пушки заздравныя заглушили!.. Ночь была тихая и свѣтлая; вино пили, ура кричали, пушки палили, а какъ развѣхались позднимъ утромъ по домамъ, да глянули на снарядъ, иже нарекается часомѣрие, такъ и вспомнили поговорку: казаку гулять, такъ и ночь коротка!

В. Луганскій.

Приписка. Мартъ на исходѣ, Апрѣль на дворѣ, а Уралъ стойтъ, не шелохнется. Скоро вздуетъ его да погонитъ ледъ на море, на Хвалынское. Глядите тогда, что за потѣха будетъ; начнется пловня ¹⁾,

¹⁾ Весеннее рыболовство съѣтми, кои раскидываются съ каждой лодки однимъ человѣкомъ.

да пойдутъ казаки въ скачку на тысячѣ-другой бударокъ ¹⁾! Свѣгу нынѣшнюю зиму Господь не пожалѣлъ, такъ земляная вода ²⁾, надо быть, пойдетъ большая и на урожай въ Оренбургской губерніи понадѣяться можно. Авось Богъ милостивъ будетъ! — Прилинейные Кайсаки эту зиму опять начали продавать дѣтей своихъ; на дняхъ видѣлъ я четырехъ мальчиковъ, купленныхъ за 75 рублей асс.

Младшему лѣтъ семь. Одинъ насмѣшилъ: новый хозяинъ сталъ, жалѣя его, кормить голоднаго помаленьку, а онъ, глядя на свѣстное, непремѣнно хотѣлъ поѣсть все. Коли такъ, говоритъ, такъ побѣду я отъ тебя прочь опять въ степь. Скинулъ платье хозяйское, снялъ и рубаху, взялъ съ окна плетъ и пошелъ! — Гдѣ же лошадь у тебя? спросили его. — Плетъ есть, отвѣчалъ тотъ, такъ и лошадь будетъ! Простоявъ минуты съ двѣ нагишемъ на морозѣ, воротился онъ. Въ тотъ же вечеръ и на слѣдующій день спохватились огарковъ свѣчныхъ: нѣтъ ни одного, а не догораетъ, кажется, свѣчей много; рѣшили на томъ, что ихъ крысы таскаютъ.

Глядя на новаго нахлѣбника, — а онъ жуеть, да только свѣтилини выкидываетъ! Не подумайте, чтобъ я шутилъ: ей, ей, бывое дѣло! Тамъ яхши, увѣряетъ онъ, и понынѣ удивляется, для чего не велятъ ея ѣсть!

*

Эта идиллическая картина любви къ новому атаману, нарисованная Далемъ, была, какъ кажется, не совсѣмъ вѣрна; по крайней мѣрѣ Оренбургскій старожилъ И. В. Черновъ свидѣтельствуетъ, что назначеніемъ Покатилова, неприроднаго казака, а великоросса, казачество было недовольно ³⁾; о томъ же говорить и Рябининъ въ своей

1) Будара — долбленая лодка, однодеревка, комяга, душегубка, челнокъ. — Казаки пускаются на нихъ, — по пущечному сигналу, скакать, какъ они говорятъ, то есть, въ обгонъ другъ друга. Глядя на эту суматоху, не знаешь, какъ вода подымаетъ столько народу вдругъ.

2) Степная или береговая вода, стекая на рѣку, подмываетъ, подкапываетъ и сгоняетъ ледъ; рѣка вскрывается. Потому идетъ недѣлю-другую 'спустя, земляная вода, т. е. вода съ горъ, высокою и широкою волною, разливается и понимаетъ берега на нѣсколько верстъ.

3) Записки генералъ-майора Пвана Васильевича Чернова, Оренбургъ. 1907, стр. 117.

извѣстной книгѣ «Уральское казачье войско» ¹⁾, а также и новѣйшій историкъ Казачьихъ войскъ, А. И. Никольскій: «Должности войсковыхъ атамановъ», пишетъ онъ: «во всѣхъ казачьихъ войскахъ стали замѣщаться, въ царствованіе Императора Николая I, лицами невойскового сословія. Въ Уральскомъ войскѣ, послѣ смерти въ 1830 году войскового атамана Бородина, должность эта также была замѣщена лицомъ невойскового сословія: атаманомъ былъ назначенъ полковникъ Покатиловъ. Назначеніе это, въ связи съ одновременно состоявшимся, вопреки желанію значительной части Уральского войска, учрежденіемъ морскихъ рыболовствъ, вызвало среди войска неудовольствіе, проявившееся при посѣщеніи Уральска Наслѣдникомъ Цесаревичемъ Александромъ Николаевичемъ во время его путешествія въ 1837 году по Россіи. При отъѣздѣ Наслѣдника изъ Уральска шумная толпа казаковъ, остановивъ коляску Его Высочества, подала прошеніе, въ которомъ перечислялись различныя злоупотребленія атамана и войсковыхъ чиновниковъ и указывалось на нарушеніе прежнихъ привилегій войска, какъ-то: невыдачу денежнаго и хлѣбнаго жалованья, учрежденіе морскаго рыболовства, предоставленіе войсковыхъ угодій постороннимъ лицамъ и т. п. Въ заключеніе казаки просили смѣнить атамана и другихъ войсковыхъ чиновниковъ» ²⁾. Жуковскій, сопровождавшій Наслѣдника-Атамана Александра Николаевича въ его путешествіи въ 1837 г. по Россіи и подробно, хоть и конспективно описывающій побѣдку свою въ Уральскѣ съ В. А. Перовскимъ и В. И. Далемъ и пребываніе въ этомъ городѣ 16-го іюня, ни словомъ, однако, не упоминаетъ о жалобѣ казаковъ на атамана, хотя и говоритъ о личномъ знакомствѣ своемъ съ нимъ въ словахъ: «Къ Василию Осиповичу Покатилову, войсковому атану. Анекдотъ о выборѣ Покатилова» ³⁾; не говоритъ о жалобѣ и С. А. Юрьевичъ, одинъ изъ сопровождавшихъ Наслѣдника ⁴⁾; впрочемъ, если такая жалоба на Покатилова и была передана Наслѣднику-Атану, то дурныхъ послѣдствій она не имѣла:

¹⁾ Ч. I, стр. 75.

²⁾ Столѣтіе Военнаго Министерства, т. XI, ч. 1, стр. 291 — 292.

³⁾ Дневники В. А. Жуковского. Съ примѣчаніями И. А. Бычкова, С.-Пб. 1903, стр. 328.

⁴⁾ «Русск. Арх.» 1887 г., кн. II, стр. 49 — 51.

Покатиловъ оставался Наказнымъ Атаманомъ Уральскаго казачьяго войска до самой своей смерти, послѣдовавшей 23-го декабря 1838 г. 1).

Имя охотника, «что Вальдшнеповъ сравнивалъ съ Валленштейномъ или Кесаремъ», Пушкинъ въ письмѣ своемъ не назвалъ: онъ его, безъ сомнѣнiя, позабылъ; но мы можемъ опредѣленно сказать, что это былъ инженеръ-капитанъ Константинъ Демьяновичъ Артюховъ, съ 1832 по 1837 г. бывший Директоромъ Оренбургскаго Неплюевскаго Военнаго Училища; въ 1817 году Артюховъ окончилъ курсъ въ Военно-Инженерномъ Училищѣ, а въ 1819 г. выпущенъ былъ изъ Верхняго, офицерскаго Класа Главнаго Инженернаго Училища, въ составѣ перваго его курса, съ чиномъ подпоручика, въ С.-Петербургскій Инженерный Округъ 2); въ 1829 г. онъ былъ инженернымъ штабъ-капитаномъ, состоялъ при Командирѣ Отдѣльнаго Оренбургскаго Корпуса генералѣ Эссенѣ и имѣлъ ордена Владимира 4 и Анны 3 степени, — вѣроятно, за боевыя отличiя 3), въ 1835 году имѣлъ уже чинъ инженеръ-подполковника 4). Женатъ онъ былъ на Елизаветѣ Ивановнѣ Неплюевой, — одной изъ дочерей Бузулукскаго Уѣзднаго Предводителя Дворянства И. А. Неплюева 5). По словамъ Д. Н. Соколова, «въ Оренбургѣ Артюховъ былъ очень популяренъ и любимъ, какъ умный и веселый собесѣдникъ, — по словамъ Даля, не унывавшiй никогда, нигдѣ и ни при какихъ обстоятельствахъ и умѣвшiй смѣшнить всѣхъ, въ томъ числѣ и Пушкина, самыми пустыми остротами» 6). Сомнѣваемся, что Пушкинъ хорошо и издавна былъ знакомъ съ Артюховымъ, какъ готовъ думать Д. Н. Соколовъ, и что онъ былъ съ поэтомъ на «ты»: если бы это было такъ, врядъ-ли Пушкинъ забылъ бы его фамилію, посылая ему книгу. Съ

1) А. И. Никольскій, О. С., т. XI, ч. I. стр. 292; Покатиловъ умеръ въ чинѣ генералъ-маіора съ 1-го декабря 1838 г. состоя кавалеромъ ордена св. Георгія 4 степени.

2) Историч. очеркъ развитія Главнаго Инженернаго Училища, С.-Пб. 1869, прил., стр. 61; «Пушкинъ и его соврем.», вып. XXIII—XXIV, стр. 72; Столѣтіе Военнаго Министерства, т. VII, ч. I. прил., стр. 67 и 124.

3) Списокъ генераламъ, штабъ-и оберъ-офицерамъ всей Россійской Арміи, С.-Пб. 1829, стр. 30.

4) Мѣсяцесловъ съ росписью чиновныхъ особъ на 1836 г., ч. I, стр. 805.

5) А. А. Сиверсъ, Генеалогическія развѣдки, вып. I, С.-Пб. 1913, стр. 61; мать И. А. Неплюева была рожденная Карамзина.

6) «Пушкинъ и его соврем.», вып. XXIII—XXIV, стр. 71 — 72, 73 — 74.

Далемъ же Артюховъ былъ въ близкихъ отношеніяхъ, о чемъ свидѣтельствуяютъ воспоминанія Даля о Пушкинѣ и рассказы «Болгарка» и «Охота на волковъ»: всюду Даль упоминаетъ объ Артюховѣ, при чемъ въ трехъ случаяхъ говорить именно о его курьезномъ сравненіи умирающаго вальдшнепа съ Валленштейномъ. Приведемъ слова Даля. Въ отрывочныхъ воспоминаніяхъ о Пушкинѣ, опубликованныхъ лишь въ 1907 году Н. О. Лернеромъ ¹⁾, Даль пишетъ: «Въ Оренбургѣ Пушкину захотѣлось сходить въ баню. Я свелъ его въ прекрасную баню къ инженеръ-капитану Артюхову, добрѣйшему, умному, веселому и чрезвычайно забавному собесѣднику. Въ передбанникѣ расписаны были картины охоты, любимой забавы хозяина. Пушкинъ гѣшился этими картинами, когда веселый хозяинъ, круглолицый, голубоглазый, въ завитыхъ кудряхъ, вошелъ, удраскивая Пушкина ради перваго знакомства откушать пива или меду. Пушкинъ старался быть крайне любезнымъ со своимъ хозяиномъ и, глядя на расписной передбанникъ, завелъ рѣчь объ охотѣ. «Вы охотитесь, стрѣляете?» — «Какъ-же-съ, понемножку занимаемся и этимъ; не одному долгоносому довелось успокоиться въ нашей сумкѣ». — «Что же вы стрѣляете — утокъ?» — «Уто-окъ-съ?» — спросилъ тотъ, вытянувшись и бросивъ какой-то сострадательный взглядъ. — «Что-же? развѣ вы утокъ не стрѣляете?» — «Помилуйте-съ, кто будетъ стрѣлять эту падалъ! Это какая-то гадкая старуха, валяется въ грязи, — ударишь ее по загривку, она свалится бокомъ, какъ топоръ съ палки, бьется, валяется въ грязи, кувыркается... тьфу!» — «Такъ что же вы стрѣляете?» — «Нѣтъ-съ, не утокъ. Вотъ какъ выйдешь въ чистую рошину, какъ запустишь своего Фингала, — а онъ нюхъ-нюхъ направо, нюхъ налево, — и стойку: вытянулся, какъ на пружинѣ, — одеревенѣлъ, сударь, одеревенѣлъ, окаменѣлъ! Пиль, Фингалъ! Какъ свѣчка загорѣлся, столбомъ взвился!»... — «Кто, кто?» — перебилъ Пушкинъ съ величайшимъ вниманіемъ и участіемъ. «Кто-съ? разумѣется кто: слука, вальдшнепъ. Тутъ царякъ его по сарафану... А онъ (продолжалъ Артюховъ, раскинувъ руки врознь, какъ на крестѣ), — а онъ только раскинетъ крылья, голову на бокъ — замретъ на воздухѣ, умирая, какъ Брутъ!» — Пушкинъ расхохотался и, приславъ ему черезъ

¹⁾ «Русск. Стар.» 1907 г., т. СХХХІІ, окт., стр. 65 — 66.

годъ на память «Исторію Пугачевского бунта», написалъ: «Тому офицеру, который сравниваетъ вальдшнепа съ Валенштейномъ».

Въ разсказѣ «Охота на волковъ», повѣствуя объ охотѣ у извѣстнаго Оренбургскаго помѣщика и Губернскаго Предводителя Дворянства, Е. Н. Тимашева ¹⁾ въ его имѣніи Ташлы и перечисляя участниковъ охоты, Даль пишетъ: «Съѣздъ былъ изрядный; веселый хозяинъ ходилъ по всѣмъ комнатамъ, гдѣ расположились гости, шутилъ, смѣялся, иногда и подсмѣивался, а вокругъ всѣ были заняты пересмотромъ ружей, насыпкой пороховницъ и дробницъ, а болѣе также веселой болтовней; тутъ былъ и памятный доселѣ въ томъ краю, всѣми любимый записной охотникъ, не унывавшій никогда, нигдѣ и ни при какой невзгодѣ и умѣвшій смѣшить всѣхъ самыми пустыми и пошлыми островами: онъ стрѣлялъ слуку по сарафану, утку по салопу; онъ зайцу задавалъ прыску въ-догонку, а убивъ его, никогда не забывалъ отдать ему послѣднюю честь, приложивъ руку къ козырьку, — словомъ, какъ я сказалъ, пошлыя ничтожности выходили у него до того забавны, что даже Пушкинъ, познакомившись съ нимъ въ Оренбургѣ и попарившись у него въ банѣ съ росписаннымъ охотою передбанникомъ, прислалъ ему послѣ своего «Пугачева», но, забывъ прозванье его, написалъ: «Тому офицеру, который сравнивалъ вальдшнепа съ Валенштейномъ»... ²⁾

Наконецъ, въ разсказѣ «Болгарка» Даль пишетъ, какъ онъ однажды, охотясь въ окрестностяхъ Оренбурга на вальдшнеповъ и расположившись, лежа на травѣ, помечтать», захохоталъ почти вслухъ, вспомнивъ какъ товарищъ его [т. е. Артюховъ], котораго выстрѣлы сыпались въ отдаленіи, краснорѣчиво увѣрялъ однажды дорогого Петербургскаго гостя (А. С. Пушкина), который заѣхалъ къ намъ въ Оренбургъ за Пугачевщиной, увѣрялъ, что слука или вальдшнепъ — самая благородная птица на цѣломъ земномъ шарѣ, что она, будучи убита, не бѣется и не трепещится въ неприличныхъ акробатическихъ тѣлодвиженіяхъ, а умираетъ, какъ Брутъ, какъ Сцевола и Сусанинъ. Къ этому вспомнилъ я и отвѣтъ нашего незабвеннаго гостя, который

¹⁾ Отца будущаго Министра Внутреннихъ Дѣлъ А. Е. Тимашева и мужа Е. А. Тимашевой, которой Пушкинъ написалъ посланіе.

²⁾ Полное собраніе сочиненій Владиміра Дала (Казака Луганскаго), изд. М. О. Вольфа, т. IV, 1897, стр. 330 — 331.

прислалъ изъ Питера товарищу моему книжку свою о Пугачевѣ съ замѣчаніемъ: «тому офицеру, который сравниваетъ вальдшнепа съ Валенштейномъ» ¹⁾).

Разказы Даля, взаимно пополняя другъ друга, ярко вырисовываютъ передъ нами обликъ Артюхова, какъ оригинальной, яркой личности, которая запечатлѣлась въ памяти Пушкина отчетливымъ образомъ, не изгладившимся и годъ спустя послѣ мимолетной встрѣчи. О дальнѣйшей жизни Артюхова извѣстно немного: сообщаютъ, что въ 1839 году онъ участвовалъ въ несчастномъ Хивинскомъ походѣ Перовскаго и умеръ въ слѣдующемъ году отъ полученной во время похода болѣзни ²⁾).

Б. Модзалевскій.

¹⁾ Тамъ-же, т. VII, стр. 105 — 106.

²⁾ «Пушкинъ и его соврем.», вып. XXIII—XXIV, стр. 71—72. Впрочемъ, въ Историческомъ очеркѣ развитія Главнаго Инженернаго Училища (С.-Пб. 1869), въ спискахъ окончившихъ курсъ, противъ имени Артюхова отиѣчено: «въ отставкѣ инженеръ-полковникомъ» (прилож., стр. 61).

СБОРНИКЪ
ПУШКИНСКАГО ДОМА
НА 1923 ГОДЪ

ПУШКИНЪ. ДЕЛЬВИГЪ.
КРЫЛОВЪ. ЖУКОВСКІЙ.
ТУРГЕНЕВЪ. ПИСАРЕВЪ.
ГЕРЦЕНЪ. ЧЕРНЫШЕВСКІЙ.
ПОЛОНСКІЙ. СТАСОВЪ.
Л. ТОЛСТОЙ.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПЕТРОГРАДЪ 1 9 2 2